

Слухи о невероятной красоте Хан Сиэня произвели в рядах армии Сицзяна эффект разорвавшейся бомбы. Те, кому довелось увидеть его лицо воочию, рассказывали об этом с благоговением, словно прикоснулись к великому чуду.

Они сами до конца не верили своим глазам, но упрямые факты твердили об обратном.

В военном лагере порядок навести было несложно — дисциплина обязывала солдат подчиняться приказам, так что досужие обсуждения внешности командира быстро ушли в подполье. Однако закрыть рты простым обывателям было невозможно.

Когда Хан Сиэнь вернулся в город, генерал Лю Хучэн улучил минуту и издалека поинтересовался у Бай Вэньханя, знал ли тот, какое лицо скрывалось под маской.

Бай Вэньхань лишь горько усмехнулся:

— Генерал, хотя в столице мне и доводилось общаться с наследником Ханом, его нрав излишне высокомерен. Простым смертным в его душу ходу нет.

Лю Хучэн, впрочем, не слишком поверил этим словам. Отношение Хан Сиэня к братьям Бай заметно отличалось от его холодности со всеми остальными — взять хотя бы то, что Бай Шу до сих пор крутился подле него и не был прогнан взащей. И всё же доля правды в словах Бай Вэньханя имелаась: гордый и отстранённый наследник не стал бы открывать лицо первому встречному.

Заметив замешательство собеседника, Лю Хучэн примиряюще улыбнулся:

— Что ж, не знаешь — и ладно. Впредь советую вам двоим поменьше распространяться о внешности наследника Хана.

Поблагодарив генерала за предупреждение, Бай Вэньхань поспешил откланяться.

Вернувшись в свой шатёр, он застал младшего брата. Бай Шу сидел у стола и, не мигая, смотрел на колеблющийся язычок свечи. Его взгляд оставался чистым и по-детски простодушным.

Бай Вэньхань опустился на стул напротив. Мыслей в голове крутилось великое множество, но, глядя на брата, он вдруг понял, что не знает, с чего начать. В шатре воцарилось молчание.

Бай Шу первым прервал тишину. Переведя взгляд на хмурого брата, он негромко спросил:

— Брат, ты ведь хочешь спросить, что я чувствую к Хан Сиэню?

Бай Вэньхань вскинул брови. На губах младшего промелькнула едва заметная улыбка, сделавшая его лицо удивительно живым.

Бай Шу посмотрел брату прямо в глаза и серьёзно произнёс:

— Брат, это правда.

Он вовсе не был глупцом. Если раньше он не замечал намёков и расспросов Бай Вэньханя, то лишь потому, что никогда не задумывался о подобных вещах.

Но в ту памятную ночь, когда он случайно подсмотрел в лесной чаще за двумя тайком уединившимися солдатами и услышал их жаркий, сбивчивый шёпот, в его сознании что-то перевернулось. Разумеется, он не стал подглядывать за чужими ласками и потихоньку сбежал, однако мысли его с тех пор пошли наперекосяк. Смутные образы то вспыхивали, то гасли в голове.

В ту же ночь ему приснился Хан Сиэнь. Хан Сиэнь сидел на краю его постели и смотрел на него. А потом вдруг мягко улыбнулся. Это лицо, и без того прекрасное до невозможности, в тот миг словно озарилось светом рухнувших с небес звёзд — ослепительным, завораживающим.

Сердце в груди забилося как сумасшедшее. Хан Сиэнь протянул руку, слегка потянул его на себя, и Бай Шу послушно подался вперёд, утыкаясь лицом в его плечо. Наклонившись к самому уху, маркиз тихо, обжигая дыханием, спросил:

— У тебя щёки горят. О чём ты думаешь?

От этого бархатного шёпота по телу пробежала дрожь. Хан Сиэнь позвал его по имени:

— Бай Шу... — так нежно и мягко, как никогда не звал наяву.

Душа ушла в пятки. Бай Шу смотрел на его губы, испытывая невыносимую, иссушающую жажду, отчаянно желая обнять этого человека... Но стоило ему протянуть руку, чтобы ощутить чужое тепло, как сон оборвался. Он проснулся посреди ночи с бешено колотящимся сердцем, а под одеялом пламенело желание, которое невозможно было скрыть.

Вспоминая те ощущения, Бай Шу поймал себя на мысли, что в столице действительно считал Хан Сиэня просто другом. Сначала им двигало праздное любопытство, потом — желание разгадать чужие замыслы, из-за чего он и не спускал с Хан Сиэня глаз.

Ему всегда казалось, что под ледяной маской Хан Сиэня скрывается глубокая, пусть и своеобразная, доброта. По пути из Цзяннаня в столицу бесчисленное множество несчастных пытались завлечь Хан Сиэня в свои сети, играя на жалости.

Хан Сиэнь и бровью не повёл, холодно отвергнув каждого. И всё же позже он тайно велел слугам указать бедолагам безопасную дорогу до столицы и незаметно охранять их в пути.

Уже тогда Бай Шу задавался вопросом: что творится в душе этого человека? Как в одном сердце уживаются беспощадная жестокость и искреннее сострадание?

Когда именно его любопытство переросло в нечто большее? Бай Шу долго размышлял об этом, сидя в казарме. Наверное, всё изменилось в тот день, когда Хан Сиэнь, заставив вдовствующую императрицу открыть тайну императорского благородного супруга Ван Иня, намеренно отослал братьев Бай подальше. А после — вымолил у императора прощение для них двоих.

Приехав в Сицзян, выкапывая дикий женьшень в горах, Бай Шу раз за разом возвращался мыслями к той сцене. Тогда он стоял на коленях за дверями тронного зала и не мог видеть происходящего, но прекрасно всё слышал.

Хан Сиэнь всегда отличался непомерной гордостью. На людей он взирал исключительно свысока, с вежливым презрением. Но в тот день даже в голосе повелителя Великой Чжоу прозвучала едва уловимая мольба.

Бай Шу тогда долго стоял на коленях, упрямо дожидаясь, пока император сменит гнев на милость.

А когда Хан Сиэнь наконец покинул дворец, скользнув краем шёлкового одеяния по его лицу, в груди у Бай Шу всё сжалось от горькой обиды. Человек, который не дорожил собственной жизнью, не должен был унижаться и просить за кого-то другого.

Но Хан Сиэнь попросил. И эта просьба вошла в сердце Бай Шу подобно острому гвоздю. Стоило вспомнить об этом — и в груди начинало щемить от тупой боли.

По мере того как Бай Шу вполголоса изливал душу, лицо его старшего брата становилось всё мрачнее. После того как раскрылась правда о связи их семьи с вдовствующей императрицей, Хан Сиэнь действительно спас их, вовремя спровадив с глаз долой.

И то верно: все, кто оказался причастен к раскрытию той тайны, были безжалостно устранены императором. Пострадал даже третий принц Цзи Ло. Братья Бай оказались единственными, кому несказанно повезло уцелеть в этой мясорубке.

Хан Сиэнь прекрасно знал, что главным уязвимым местом императора была память о Ван Ине. Братья не слышали запретных речей, и государь, уступив поразительному упрямству Хан Сиэня, даровал им жизнь.

Бай Вэньхань был безмерно благодарен Хан Сиэню за спасение, но мысль о том, что его младший брат упрямо бьётся головой о стену, безответно влюбившись в этого человека, приводила его в уныние. Прекрасно зная характер Бай Шу, который никогда не сворачивал с избранного пути, он со вздохом произнёс:

— Бай Шу, даже если не брать в расчёт чувства самого Хан Сиэня... Вы оба мужчины. У вашей

связи нет никакого будущего. В нашем мире это почти невозможно.

Бай Шу коротко и безмятежно рассмеялся, качнув головой:

— Брат, за других я говорить не берусь. Но Хан Сиэню плевать на условности. Мужчина, женщина или гээр — если он полюбит, никакие предрассудки этого мира его не остановят.

Этот человек цеплялся за жизнь лишь по привычке, из упрямства. Станет ли он оглядываться на суждения толпы?

Бай Вэньхань мысленно примерил эти слова к характеру Хан Сиэня и вынужден был признать правоту брата. К таким людям мирские законы не писаны.

Немного помолчав, он нерешительно спросил:

— Это твоя личная жизнь, и, как бы трудно тебе ни пришлось, я не стану заставлять тебя отступаться. Но... ты собираешься открыться ему?

Бай Шу на мгновение замер, а затем медленно покачал головой.

— Сейчас ещё не время... — пробормотал он вполголоса.

Если Хан Сиэнь узнает о его чувствах сейчас, то наверняка сразу же отдалится и исчезнет из его жизни. Но и вечно молчать Бай Шу не собирался — нужно было лишь тщательно обдумать, как действовать дальше.

Бай Вэньхань хотел было сказать, что Хан Сиэнь, возможно, уже обо всём догадался, но, глядя на сосредоточенное лицо брата, лишь тихо вздохнул.

"Со стороны всегда виднее", — подумал он про себя, решив больше не поднимать эту тему.

Поздней ночью в шатёр пятого принца Цзи Хуая неизвестный подбросил записку. Корявыми, неровными мазками на дешёвой бумаге было выведено краткое послание с предложением встретиться.

Разглядывая внезапную весточку, Цзи Хуай нахмурился, чувствуя, как внутри зарождается тревога.

Сняв маску один раз, Хан Сиэнь больше к ней не возвращался. Когда он ехал по улицам города из лагеря к своему жилищу, сопровождавшие его столичные гвардейцы едва не растерли дар речи от изумления.

Они ошарашенно переглядывались, не веря собственным глазам и подозревая, что маркиза Вечного Покоя подменили искусным самозванцем. И лишь услышав его привычный холодный голос, успокоились — перед ними действительно был их господин.

Но лицо у него теперь было совсем другим.

Известие о невероятной красоте Хан Сиэня с быстротой степного пожара разлетелось по Сицзяну.

Людам от природы свойственно любопытство. Каждому хотелось лично убедиться в правдивости слухов и взглянуть на знаменитого красавца, но с тех пор, как Хан Сиэнь вернулся в город, он почти не покидал стен своей усадьбы. За исключением личной охраны, увидеть его больше никому не удавалось.

Казалось бы, со временем любые толки должны были утихнуть сами собой.

Однако в один из дней группа офицеров Сицзянской армии, получив увольнительную, собралась в местном трактире. За кувшином вина разговор на первом этаже шумного заведения предсказуемо свернул на обсуждение внешности Хан Сиэня.

В отдельном кабинете один из военных с придыханием заметил:

— Пусть я стоял далеко, но мне удалось разглядеть лицо наследника Хана. О таком облике в народе говорят не иначе как "чистейший нефрит, взлелеянный небесами". Истинный шедевр природы.

Собеседник тут же подхватил с усмешкой:

— Жаль только, что ныне наследник Хан заперся у себя и не кажет носу наружу. А то бы мы воочию поглядели на утончённые столичные манеры.

Многие за столом одобрительно загудели. Но вдруг из угла донёсся чей-то презрительный смехок:

— На что там глядеть? Небось за этой красотой скрывается обыкновенная грязь.

Офицеры, успевшие изрядно захмелеть, не сразу сообразили, кто именно подал голос. А незнакомец между тем продолжал, понизив голос до заговорщического шёпота:

— Сами посудите: с чего бы такому видному юноше долгие годы прятать лицо под уродливой маской? В столице полно способных мужей, но почему именно он столько лет пользуется безграничной милостью императора? Столичные господа падки на подобные забавы — им подавай нечто среднее между изнеженной девой и крепким мужем. Столь щедрое благоволение на пустом месте не рождается. В столице давно поговаривали, что наследник Хан входил во внутренние покои дворца так же свободно, как в собственный дом. Жаль, конечно,

портить такую смазливую мордашку, да видать, цена за величие оказалась высока.

Один из солдат, чья голова совсем отяжелела от хмеля, брякнул не подумав:

— Ты клонишь к тому, что наследник Хан делит с императором ложе?

Стоило этим словам сорваться с его губ, как хмель мгновенно выветрился, уступив место ледяному ужасу.

Оскорбление царствующего монарха каралось неминуемой казнью всей семьи. Дрожащими руками он обвёл взглядом собутыльников. Те были мертвецки пьяны и, казалось, даже не расслышали его глупой реплики.

Офицер нахмурился. Голос, подавший гнусную мысль, показался ему чужим и незнакомым. Оглядевшись по сторонам, он не смог вспомнить, кто именно сидел в углу и подстрекал к опасному разговору. Мотая головой, он попытался убедить себя, что всё это лишь спьяну померещилось.

К счастью, они сидели за закрытыми дверями отдельного кабинета, и его неосторожные слова прозвучали совсем тихо. Навряд ли их кто-то мог подслушать.

И всё же на душе у него стало беспокойно. Пить дальше расхотелось, и, сославшись на недомогание, он поспешил покинуть трактир.

А на следующее утро улицы города Тяньмэнь наводнили грязные слухи. Из уст в уста передавали слова некоего военного из армии Сицзяна: якобы Хан Сиэнь пользуется высочайшим покровительством государя лишь потому, что согревает его постель.

Клевета распространялась подобно ядовитому туману. За считанные часы гнусная сплетня доползла от городских окраин до самого военного лагеря.

Никто не смел заикнуться об этом в присутствии самого Хан Сиэня, однако стоило ему появиться перед столичными гвардейцами, как он без труда прочёл грязные мысли в их умах.

Хан Сиэнь лишь криво усмехнулся. В его глазах вспыхнул ледяной, убийственный блеск.

<http://bllate.org/book/20088/2002087>